

Суббота, 16,

Воскресенье, 17 августа 1919 г.

Ежедневная газета

Изд. Отд. Театров и Зрелищ

Н. Ч. по Просв.

РЕДАКЦИЯ: пр. Володарского, 46.

Тел. 85-31, прием от 4-6 час. дня

КОНТОРА: там же, от 12-6 час. дня

Телеф. типографии 126-63.

ОБЪЯВЛЕНИЯ за строку непараллельно и после текста 6 руб.

ЦЕНА 1 руб. 50 коп.,

в театрах и вне Петрограда—2 руб.

ЖИЗНЬ ИСКУССТВА

Аполлон Григорьев и Гоголь.

Казалось бы, наше время не вмещает городских годов. У нас нет времени в этот крылатый и прозванный час истории превознать чей либо личный прах, поднимать археологическую и книжную мысль. Мы обязаны быть в постоянном стремлении, в вечном порыве.

Наше время отличается тем, что оно выталкивает из себя все чужеродное, толкает нас к другим далям. Когда писатель «не звучит», когда его прах не таков, как наш, у нас нет сейчас охоты входить в вагны бы то ни было подробности, касающиеся этого писателя.

Прикасаясь к драгоценным подробностям жизни и духа людей, прошедших поколений, мы можем легко задуматься, далеко залететь мечтою и мыслью, и от этого устать; а усталость, повинная в обыкновенное время, может оказаться губительной сейчас.

И все-таки, есть необходимый вопрос: об Ап. Григорьеве в его эпохе. Я считаю важным сказать сейчас два слова о писателе, имя которого в последние время

пользуется почетом и уважением, но которое никогда не было так известно, как имена других русских критиков: Белинского, Чернышевского, Добролюбова.

Дело в том, что в 1846 году вышли «Избранные места из переписки с друзьями» Гоголя. Эту книгу мало читали, потому что она была официально рекомендована, взята под защиту самодержавия и его прихвостней.

Наша интеллигенция—от Белинского до Мережковского—так и приняла Гоголя: без «Переписки с друзьями», которую проклинали все, и первой—Белинский в своем знаменитом письме.

Гоголевская книга написана «в мигноре»: ее диктовали соблазны православия, болезни, страх смерти,—да, все это так; но еще ее диктовала гений Гоголя, та неузнаваемая доселе и громадная часть его, которая перелетела через десятилетия и долетела до нас. Мы опять стоим перед этой книгой: она скоро пойдет в жизнь и в дело.

В «Переписке»—две первые части:

одна—малая «аншорная»: самодержавие, болезнь; другая—громадная: правда, человек, восторг, Россия.

Белинский заметил только болезнь; Белинского слышали и ему поверили «все». Но среди этих «всех» не было одного: молодой Аполлон Григорьев сразу понял, какие «страшные духовные интересы» составляют содержание этой книги. Он писал об этом Гоголю в 1848 году. Желающих прочесть его письма мы отсылаем к вышедшему в 1917 году исследованием Вл. Книжнина («А. А. Григорьев, материалы для биографии», изд. Пупкинского Дома при Академии Наук).

Раз мы издали письмо Белинского к Гоголю отдельной брошюрой (не трех было бы также издать письма Григорьева к Гоголю. Право, они не менее содержательны, чем письмо Белинского. Пока это не сделали, пока Григорьев—под судом, а Белинский—«у всех» на устах, я не могу простить ему его невольного греха. Если бы я был историком литературы, беспристрастным наблюдателем, я должен был бы, очень бы Белинского; но пока я страстно ищу в книгах жизни, жизни настоящей (в обоих смыслах), я не могу

простить Белинскому его немускульности и многих его истерических ошибок.

Пусть Белинский был прозорлив во многом; но, совершив великий грех перед Гоголем, он, может быть, больше, чем кто-нибудь, дал толчок к тому, чтобы русская интеллигенция пошатнулась вниз по лестнице своих российских, будто бы, «западнических» надрывов, болыно колотясь головой о каждую ступеньку; и всего большее—о последнюю ступеньку, о русскую революцию 1917—1918 годов.

Откройте Гоголя, нового Гоголя, не урезанного Белинским; прочтите его книгу без интеллигентских «западнических» шпор; вы многое поймете по новому. Откройте, наконец, вместе с Гоголем, его благочестивого истолкователя Аполлона Григорьева, и убедитесь, наконец, что пора перестать презирать совершенно своеобразный, открывающий новые дали русский строй души. Он спутан и темой иногда; но за этой темнотой и путаницей, если удосужитесь в них взглянуть, вам откроются новые способы смотреть на человеческую жизнь. Пора взглянуть.

Александр Власс.